

CONNECTIONS

The Quarterly Journal

Том XIV, № 1

Зима 2014

Европейская и евразийская безопасность: точки зрения из России.....	1
«Возвышение» Китая глазами России: Источник угроз или новых возможностей?	3
<i>Анастасия Соломенцева</i>	
Россия и события «арабской весны».....	44
<i>Александр Высоцкий</i>	
Взгляд России на отношения с Грузией после выборов 2012 г.: последствия для региональной безопасности	70
<i>Николай Силаев и Андрей Сушенцов</i>	
«Цветные революции» и «Арабская весна» в российском официальном дискурсе	95
<i>Юлия Никитина</i>	
Политика России в эпоху перемен: внешние и внутренние факторы трансформации	113
<i>Денис Алексеев</i>	
Украинский кризис и его влияние на реализацию проекта создания Евразийского экономического союза	132
<i>Марина Лапенко</i>	
Передача власти в Центральной Азии и угрозы региональной стабильности	149
<i>Сергей Ю. Шенин</i>	

Россия и события «арабской весны»

Александр Высоцкий *

Введение

Российское отношение к событиям «арабской весны», основанное на смеси скептицизма, осторожности и недоверия, долгое время не находило понимания за пределами страны. На Западе, поначалу увидевшем в «арабской весне» привычную картинку борьбы «демократии снизу» с «диктатурой сверху», многие обвиняли Москву в потворстве и симпатиях к дряхлым авторитарным режимам и неспособности идти в ногу со временем.

Однако затем ситуация изменилась. По мере того как демократические революции уступали место гражданским конфликтам (где-то скорее мирным, где-то – кровопролитным), замешанным на этно-религиозных различиях, консервативная позиция России оказалась востребованной – как в самом регионе Ближнего Востока, так и за его пределами. А прорывная российско-американская договоренность по сирийскому химическому оружию открыла двери и к межсирийским переговорам («Женева-2»), и к урегулированию иранской ядерной проблемы.

Для понимания факторов, формировавших российское отношение к «арабской весне», важно пристальнее присмотреться к недавним событиям в российской истории и тенденциям развития ситуации у границ России. В рамках данной статьи мы предпримем попытку очертить круг таких факторов и раскрыть их основную суть.

Прокатившаяся по странам Ближнего Востока и Северной Африки революционная волна, получившая название «арабской весны», стала, пожалуй, главным событием в мировой политике в 2011 году. Рушившиеся один за другим ветхие арабские авторитарные режимы уступали место новым политическим силам. Налицо был «эффект домино», а скорость и динамика процесса были таковы, что внешним игрокам оставалось лишь спешно адаптироваться к стремительно менявшейся реальности.

Не являлась исключением и Россия, которая, правда, предпочла поначалу занять дистанцированную позицию. Москва, с одной стороны, понимала необратимость изменений в большинстве охваченных «весной» государств, с другой – не стремилась, в отличие от западных стран, оказаться в авангарде сторонников демократизации.

По распространенному мнению, поворотным моментом в российском отношении к «арабской весне» стали события вокруг Ливии. Воздержавшись при голосо-

* Александр Высоцкий, преподаватель кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений – МГИМО.

вании в Совете Безопасности ООН по резолюции №1973 в марте 2011 г., объявлявшей небо над Ливией бесполетной зоной, Москва затем выразила возмущение началом иностранного военного вмешательства в этой стране. Резолюция, разрешавшая любые действия по защите мирных жителей и населённых ими территорий, за исключением ввода оккупационных войск,¹ стала основанием для военной поддержки повстанцев и смены режима Каддафи. Многие в России увидели в этих действиях Запада неприятные аналогии с Ираком 2003 года.

Не допустить подобного развития событий в Сирии стало важной задачей российской внешней политики. В западной прессе и экспертных кругах широкое распространение получил тезис о том, что в Сирии Москва держалась за старого, еще советского союзника, и некие военные контракты и базы.² Представляется, однако, что интересы России в сирийском вопросе не были сугубо прикладными.

Также – и в случае Ливии, и позднее, в случае Сирии, – российская позиция не была продиктована одним лишь нежеланием допустить иностранное военное вмешательство. Скорее, на политику Москвы влиял набор из ряда различных факторов. В рамках настоящей статьи мы попытаемся – в свободной, без выстраивания строгой иерархии форме – перечислить эти факторы, выявив тем самым алгоритм и логику формирования российской позиции в отношении «арабской весны». Кроме того, перечисление этих фундаментальных факторов, быть может, будет полезно и при анализе побудительных мотивов российской внешней политики не только на Ближнем Востоке, но и в других регионах мира.

Фактор №1 – Россия и исламисты

В российском экспертном сообществе превалирует мнение, что после окончания холодной войны ближневосточные дела сместились на относительную периферию внешнеполитических интересов России. В опубликованной в феврале 2013 г. обновленной Концепции внешней политики (раздел IV «Региональные приоритеты») Ближний Восток попал в самый конец списка и уместился в три небольших

¹ “Security Council Approves ‘No-Fly Zone’ over Libya, Authorizing ‘All Necessary Measures’ to Protect Civilians, by Vote of 10 in Favor with 5 Abstentions,” доступно на www.un.org/News/Press/docs/2011/sc10200.doc.htm#Resolution.

² См, например, Holly Yan, “Syria allies: Why Russia, Iran and China are standing by the regime,” *CNN*, 30 August 2013, доступно на <http://edition.cnn.com/2013/08/29/world/meast/syria-iran-china-russia-supporters>; Holly Yan, “Why China, Russia won’t condemn Syrian regime,” *CNN*, 5 February 2012, <http://edition.cnn.com/2012/02/05/world/meast/syria-china-russia-relations>; “The four reasons Russia won’t give up Syria, no matter what Obama does,” *Washington Post*, 5 September 2013, доступно на <http://www.washingtonpost.com/blogs/worldviews/wp/2013/09/05/the-four-reasons-russia-wont-give-up-syria-no-matter-what-obama-does>.

пункта.³ Такая же ситуация характерна и для остальных «установочных» внешне-политических документов 1990-х – 2000-х гг.⁴

Снижение российского вовлечения в региональные дела объяснимо. Если в эпоху биполярной конфронтации Ближний Восток служил одной из главных ее арен, то после 1991 года масштаб практических российских интересов здесь уменьшился. Это было связано с отсутствием зависимости от местных энергоресурсов, малым объемом торгово-экономических связей, смещением фокуса Москвы на периметр собственных границ, в Европу и, позднее, Азиатско-Тихоокеанский регион.

Правда, на фоне общего снижения вовлеченности в одной специфической сфере – в сфере безопасности – интерес России к Ближнему Востоку сохранялся и даже усиливался. Связано это было с новыми рисками и угрозами национальной безопасности – религиозным экстремизмом и терроризмом, с которыми стране приходилось сталкиваться, прежде всего, на Северном Кавказе и в Центральной Азии. Для целей настоящей статьи важно несколько подробнее остановиться на данном феномене и российском отношении к нему, которое, как представляется, позднее сыграло немаловажную роль в формировании позиции Москвы в контексте «арабской весны». «Весна», как известно, способствовала укреплению позиций в арабских странах исламистских сил, многие из которых (не все) являлись, по сути, единомышленниками постсоветского исламистско-террористического подполья.

Скептическое российское отношение к исламистам прошло через длительный генезис. В эпоху холодной войны СССР на Ближнем Востоке поддерживал светские арабские режимы (примеры – Египет при Г. Насере, баасистские Сирия и Ирак, ООП Я. Арафата). На другой – американской – стороне оказались не только Израиль, но также и такие страны как Саудовская Аравия и малые государства Персидского залива с сильной исламской традицией. Зигзаги региональной политики приводили к столкновениям советских и американских союзников (египетско-саудовское противостояние в период гражданской войны в Йемене), а во время войны в Афганистане Саудовская Аравия выступала одним из главных спонсоров моджахедов. Во второй половине 1980-х гг. Королевство предприняло целенаправленные усилия по радикальному снижению нефтяных цен для подрыва советской экономики.

Подробно об этой ситуации в своих работах писал Егор Гайдар – в 1991–1994 гг. являвшийся министром экономики и исполнявший обязанности премьер-

³ Концепция внешней политики Российской Федерации, Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, 12 февраля 2013 г., доступно на www.mid.ru/bpr_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F.

⁴ Концепция внешней политики России 2000 г., <http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html>; Концепция внешней политики России 2008 г., <http://kremlin.ru/acts/785>; Стратегия национальной безопасности России до 2020 г. (утверждена в 2009 г.), www.scrf.gov.ru/documents/99.html.

министра России. В своей книге «Гибель империи» он так характеризовал сложившуюся на нефтяном рынке ситуацию:

Война в Афганистане коренным образом изменила геополитическую ситуацию на Ближнем Востоке. В 1974 г. Саудовская Аравия решила ввести эмбарго на поставки нефти в США. Но в 1979 г. саудовцы стали проявлять заинтересованность в американской защите, увидев во вторжении СССР в Афганистан первый шаг к установлению советского контроля над Ближним Востоком.

Хронологию распада Советского Союза можно проследить с 13 сентября 1985 г., когда министр нефти Саудовской Аравии шейх Ахмед Заки Ямани заявил, что Королевство решило радикально изменить свою нефтяную политику. Власти Саудовской Аравии перестали удерживать цены на нефть, и быстро восстановили свою долю на мировом рынке. В течение следующих 6 месяцев добыча нефти в Саудовской Аравии увеличилась в 4 раза, в то время как нефтяные цены рухнули примерно во столько же раз в реальном выражении.

В результате Советский Союз потерял около 20 млрд. долл. в год – средства, без которых страна просто не могла выжить.⁵

Война в Афганистане, где советским войскам противостояли исламистские силы, и последовавшие войны в Таджикистане и Чечне продемонстрировали России всю серьезность террористической исламистской угрозы, а из стран Персидского залива год за годом продолжала поступать спонсорская помощь боевикам. Причем формальные механизмы оказания такой помощи (саудовский «Комитет помощи Косово и Чечне»⁶ и другие организации) дополнялись неформальными и неподконтрольными местным властям каналами финансирования и обеспечения антироссийских сил. По сути, речь шла о прямой вовлеченности ряда ближневосточных террористических организаций⁷ и их спонсоров в боевые действия в Чечне, Дагестане, а также Таджикистане в период гражданской войны, плюс – об их участии в организации терактов в европейской части России.⁸ Наиболее известные командиры иностранных боевиков в Чечне – выходцы из Саудовской Аравии Хаттаб, Абу аль-Валид, Абу Умар, Абу-Хавс и другие – поддерживали контакты с Усамой бен Ладеном и «Аль-Каидой». Их сотрудничество начиналось еще во времена операций против советских войск в Афганистане⁹ и продолжилось в Таджикистане и Чечне.

⁵ Yegor Gaydar, “The Soviet Collapse,” 19 April 2007, доступно на <http://www.aei.org/issue/foreign-and-defense-policy/regional/europe/the-soviet-collapse>.

⁶ Г. Косач, «Арабские страны и независимость Косова» (Институт Ближнего Востока, 27.02.2008), доступно на <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/27-02-08.htm>.

⁷ «ФСБ обнародовало российский список террористических организаций», *Newsru.com*, 26.07.2006, доступно на www.newsru.com/russia/27jul2006/terror.html.

⁸ Lorenzo Vidino, “How Chechnya Became a Breeding Ground for Terror,” *The Middle East Quarterly* 12:3 (Summer 2005): 57–66, доступно на <http://www.meforum.org/744/how-chechnya-became-a-breeding-ground-for-terror>.

⁹ Тимур Тепленин, «Абу Хавс – третий и явно лишний. Мухаммад Атеф – последний из тройцы “наместников Бен Ладена”», *Utro.ru*, 27 сентября 2004 г., доступно на www.utro.ru/articles/2004/09/27/355146.shtml.

Надо отметить, что как таковые террористические методы борьбы были свойственны в основном «джихадистам». Согласно определению известного российского востоковеда Г. Мирского, «джихадисты стремятся к возрождению халифата, но не обязательно. Главное – обеспечить доминирование ислама в мире, а для этого – беспощадная борьба с неверными, которые никогда не откажутся от намерения погубить ислам». Причем борьба – глобальная. Иных воззрений придерживаются салафиты – «фундаменталисты, зовущие мусульманское общество вернуться к «золотому веку», когда господствовал чистый, незапятнанный ислам, а благочестивые правители жили строго в соответствии с Кораном и Сунной. Отсюда – лозунг «Братьев-мусульман» и фактически всех салафитов: «Ислам – вот решение».¹⁰

Эту ситуацию иллюстрирует и дифференцированное отношение России к различным исламистским группировкам. В рамках решения антитеррористических задач российские спецслужбы сталкивались в основном с джихадистами – и эти группы включались в российские списки террористических организаций.¹¹ Другие исламистские группировки, например ХАМАС и «Хизбалла», которые не были замечены в помощи боевикам и организации терактов в России, в качестве террористических не рассматривались, о чем Федеральная служба безопасности России давала специальные комментарии.¹²

По мере вытеснения сепаратистов с территории Чеченской Республики ряд стран Персидского залива, включая Катар и Объединенные Арабские Эмираты, стали предоставлять убежище лидерам боевиков. Последние получали возможность продолжать свою деятельность из-за рубежа. Это негативно сказывалось на климате в отношениях Москвы со странами региона, а работа по выявлению и устранению руководства сепаратистов (наиболее известный случай – проведенная в феврале 2004 г. в Катаре ликвидация З. Яндарбиева¹³) лишь подливала масла в огонь. Отношения России со странами Залива стали улучшаться лишь ближе к середине 2000-х гг. Это происходило по мере дистанцирования местных властных элит от поддержки террористов. Свою роль сыграли и теракты 11 сентября 2001 г. в США, после которых американская администрация взяла курс на борьбу с терроризмом по всему миру и начала оказывать соответствующее давление на союзников.

Картина российского отношения к радикальным исламистам и «арабской весне» была бы неполной без описания последних событий в Сирии и Ираке. Там

¹⁰ Георгий Мирский, ««Арабская весна» – туман и тревога», *Россия в глобальной политике*, 01.05.2013, доступно на <http://www.globalaffairs.ru/number/Arabskaya-vesna--tuman-i-trevoga-15957>.

¹¹ «ФСБ обнародовало российский список террористических организаций».

¹² «Россия не признает ХАМАС и «Хизбаллу» террористическими организациями», *Lenta.ru*, 28.07.2006, доступно на <http://lenta.ru/news/2006/07/28/list/>.

¹³ David Holley, «Yandarbiyev Killed by Car Bomb in Qatar», *The Moscow Times*, 16 February 2004, <http://www.themoscowtimes.com/news/article/yandarbiyev-killed-by-car-bomb-in-qatar/232886.html>.

в 2011-2014 гг. выходцы с Северного Кавказа принимали активное участие в боевых действиях на стороне противников Б. Асада, а затем – во вторжении сил «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛа) в Ирак. Речь шла о довольно значительном числе террористов – по сведениям СМИ, в сирийском конфликте принимало участие до одной тысячи чеченских боевиков.¹⁴ Затем они перетекли и на территорию Ирака, где в роли командира ИГИЛа фигурировал кистинец¹⁵ (грузинский чеченец) Умар аш-Шишани (Тархан Батирашвили).¹⁶ Подобные факты, очевидно, влияли на видение Москвой, во-первых, истинного облика, целей и задач существенной части сирийской оппозиции, а во-вторых – тех рисков, которые несла в себе перспектива западной поддержки этой оппозиции.

Подобный экскурс в недавнюю советскую и российскую историю отношений Москвы с исламистами, как представляется, проливает свет на причины появления преобладающего в российском внешнеполитическом истеблишменте негативно-подозрительного подхода к (радикальным) исламистским силам. Данная система взглядов, складывавшаяся в течение очень непростых для страны десятилетий – стала одним из глубинных факторов, влиявших на формирование российского отношения к феномену «арабской весны», которая, как говорили и писали многие в России, на глазах превратилась в «исламистскую осень».¹⁷

Фактор №2 – Политика США на Ближнем Востоке при администрации Дж. Буша-мл. События в Ираке

Перестройка общественно-политических систем и – что еще важнее – психологический перелом в общественном мнении стран Ближнего Востока в 2000-е гг., приведшие к «арабской весне», осуществлялись под воздействием разнонаправленных внутренних и внешних факторов. Основным внутренним фактором было нарастание недовольства разных слоев общества социально-экономическим положением дел и параллельное укрепление позиций исламистских сил. Ключевым внешним фактором было американское и, в целом, западное влияние, смысл которого был отражен в конкретных внешнеполитических акциях, а также концепту-

¹⁴ «В Сирии воюют до тысячи чеченских боевиков, собранных в один отряд, “Аль-Мухаджирин”», *Newsru.com*, 19.09.2013, www.newsru.com/world/19sep2013/chechsiria.html; Daria Solovieva, “Chechens Among Jihadists in Syria,” *Al-Monitor*, 26 April 2014, <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/04/chechen-jihad-syria-boston-bombing.html#>.

¹⁵ «Кистинцы против Башара Асада», *Georgia Times*, 21.11.2013, www.georgiatimes.info/articles/97050.html.

¹⁶ «Как грузинский сержант стал лидером джихада в Ираке», *Бу-Бу-Си*, 8.07.2014, www.bbc.co.uk/russian/international/2014/07/140704_isis_shishani_father_interview.shtml.

¹⁷ См., например, А.Б. Подцероб, «“Арабская весна” или “исламистская осень”?», *Институт Ближнего Востока*, 06.08.2012, <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/06-08-12d.htm>; Интервью А. Малашенко «“Арабская весна” перешла в “исламскую осень”», *Коммерсант*, 08.11.2011, <http://www.kommersant.ru/doc/1810908>; Андрей Федорченко, «Родина “арабской весны” и процесс исламизации», *МГИМО Университет*, 17.07.2013, www.mgimo.ru/news/experts/document240647.phtml; Мирский, «“Арабская весна” – туман и тревога».

альных идеологических программах, главной из которых стал план «Большого Ближнего Востока».

По сложившемуся в России мнению, революции «арабской весны» стали отложенным результатом политики США на Ближнем Востоке при администрации Дж.Буша-мл. Как заявлял министр иностранных дел России Сергей Лавров, «арабская весна» – это всходы семян, которые посеял еще Джордж Буш-младший, выдвинув концепцию «Большого Ближнего Востока» и демократизации всего этого пространства». И далее:

[выдвинутые США] лозунги перемен и демократизации не были согласованы со странами региона. Мы на своем веку насмотрелись немало революций и твердо выступаем за то, чтобы любые перемены осуществлялись эволюционным путем и опирались на пожелания самих народов. То, что народы региона Ближнего Востока и Северной Африки, как и народы любой другой части мира, хотят жить лучше, быть уважаемыми гражданами в своих государствах, – это абсолютно естественно, и мы эти устремления активным образом поддерживаем. Когда начались события «арабской весны», мы об этом сказали. Одновременно мы настоятельно призывали к тому, чтобы внешние игроки руководствовались принципом «не навреди».¹⁸

Эти слова С.В. Лаврова, сказанные в 2012 году, отсылают в первую очередь к опыту Ирака. Решение США о вторжении в эту страну не было поддержано не только Москвой, но также Парижем и Берлином, вызвав небывалый кризис в трансатлантических отношениях. А предпринятые затем попытки государственного строительства в оккупированной стране не только не увенчались успехом, но и спровоцировали масштабный и продолжительный общерегиональный кризис. Любая экстраполяция данного опыта на другие страны региона, пусть уже и без прямого американского вовлечения, представлялась российскому руководству нежелательной и опасной.

Показательно, что в начале 2000-х годов риторика США в отношении Ирака была сосредоточена на необходимости дать региону некий пример экономически и политически успешного перехода к демократии хотя бы в отдельно взятой стране. Это виделось как первый этап в более масштабном региональном «демократическом транзите», который, с точки зрения Вашингтона, был необходим для купирования угроз религиозного экстремизма и терроризма. Как заявлял Дж. Буш-мл., «становление свободного Ирака в сердце Ближнего Востока будет поворотным пунктом в мировой демократической революции».¹⁹ Как показали события «арабской весны», эти слова по иронии судьбы стали пророческими – но не в плане становления либерально-демократических порядков в стране или регионе, и уж точно не в смысле снижения террористической опасности, а в плане поднявшейся в 2011 г. революционной волны.

¹⁸ Интервью С.В. Лаврова «Российской газете», 24.10.2012, <http://www.rg.ru/2012/10/23/lavrov-poln.html>.

¹⁹ Remarks by the President at the 20th Anniversary of the National Endowment for Democracy (U.S. Chamber of Commerce, 6 November 2003).

Соединенными Штатами в начале иракской кампании провозглашалась фундаментальная цель – построить в Ираке демократическую, федеративную, парламентскую республику со стабильно функционирующими политической и социально-экономической системами, с развитыми правовыми и гражданско-политическими институтами. Этого предполагалось добиться путем устранения от власти предшествующего режима и его сторонников («деБААСизации»), проведения свободных выборов на конституционной основе с эвентуальным включением Ирака в орбиту региональной интеграции по линии Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и строительством стабильных, бесконфликтных отношений с США и их союзниками (арабские страны Персидского залива и Израиль). Материальной основой такого перехода должны были стать доходы от нефтяной отрасли после ее форсированной реконструкции с привлечением широкого круга международных энергетических компаний.

Дальнейшее развитие событий – свержение и казнь С. Хусейна, отсутствие в Ираке оружия массового поражения и следов связей с «Аль-Каидой», межконфессиональная гражданская война 2006–2007 гг., рост терроризма, обвал иракской экономики, миллионы беженцев и сотни тысяч жертв среди мирного населения, фактический распад иракского государства и начало общерегиональной шиитско-суннитской конфронтации, наконец, казус ИГИЛа – послужили демонстрацией пагубности и нежелательности иностранного (военного) вмешательства.

Для лучшей иллюстрации мрачных тонов, в которых воспринималась иракская ситуация, можно привести слова директора частного российского Института Ближнего Востока Е.Я. Сатановского: «Развитие Ирака после свержения режима Саддама Хусейна не только нельзя считать образцом демократии, но оно является худшей ее рекламой... Ограничиваемые при баасистском режиме субконфессиональные и этнические группы иракского населения использовали «свободу» для того, чтобы начать притеснять бывших «угнетателей». Торжество справедливости в современном Ираке олицетворяет этническая чистка».²⁰

Для России и ее руководства иракский случай стал модельным в отношении любых попыток США и Запада навязать недружественным режимам те или иные решения извне, в обход Совбеза ООН. Западные заявления о стремлении поддерживать борьбу арабских масс за демократические права и свободы воспринимались в Москве скептически. В тот момент, когда «арабская весна» переставала быть исключительно внутренним делом каждой отдельно взятой страны, российское отношение к ней менялось от скорее нейтрального к осторожно-негативному. Именно поэтому события вокруг Ливии – где внутриполитическая борьба почти сразу перешла в вооруженную фазу, а затем «подключились» и зарубежные «сочувствующие» – и стали, как представляется, поворотным пунктом в российском отношении к «арабской весне».

²⁰ Евгений Я. Сатановский, «Пять лет войны за нефть и демократию», *Международная жизнь* 5 (2008): 3–10.

Фактор №3 – Палестинский опыт. История прихода к власти ХАМАС

Дополнительным аргументом в пользу такой позиции для России послужил опыт вмешательства Соединенных Штатов в процесс государственного строительства на территории Палестинской автономии (ПНА), приведший к победе движения ХАМАС на парламентских выборах 2006 г. и вооруженному внутripалестинскому конфликту.

Дорога к этому, так же как и в Ираке, начиналась с отстранения авторитарного правителя, много лет находившегося у власти. Ясир Арафат – отец-основатель Организации Освобождения Палестины и руководитель ПНА – в Израиле и США имел репутацию ненадежного и нежелательного партнера. Многие там увязывали возможность прогресса в палестино-израильском урегулировании с необходимостью внутripолитических трансформаций в ПНА. Эта проблема трактовалась и в более широком контексте, когда демократические преобразования в арабских странах виделись в качестве необходимого условия для достижения ими мира с Израилем. В частности, на это в своих воспоминаниях о разговорах с Б.Нетаньяху указывал посол России А.Е. Бовин.²¹

Естественным в данном контексте становилось стремление подорвать позиции Я. Арафата, заставить его действовать в условиях нарастающего внутреннего и внешнего давления. Так, известно, что движение ХАМАС на первых порах своего существования пользовалось благосклонным отношением со стороны Израиля и США, так как рассматривалось в качестве противовеса Арафату.²² Исламистский фактор на рубеже 1980-х – 1990-х гг. не воспринимался как сопоставимая светским левым авторитарным режимам угроза Израилю и западным интересам в регионе. Критика Арафата как террориста и ненадежного переговорщика и вопрос о его замене традиционно оставались одними из лейтмотивов израильской внутри- и внешнеполитической повестки.

Нежелание Я. Арафата делиться властью, коррумпированность административных структур ПНА, узурпировавших все финансовые потоки в автономии – способствовали популяризации этой идеи в международном масштабе. С приходом к власти Дж. Буша-мл. и появлением на свет плана «Большого Ближнего Востока» вопрос о замене Арафата был встроен в общую логику региональной политики Вашингтона и получил необходимое идеологическое оформление. Было принято решение провести демократизацию в Автономии для создания необходимых условий образования палестинского государства, сосуществующего в мире с Израилем. В июне 2002 г. Дж. Буш-мл. заявил, что «миру требуется другой палестинский лидер, чтобы палестинское государство могло быть создано».²³

²¹ Александр Е. Бовин, *5 лет среди евреев и мидовцев* (М.: Захаров, 2002), с. 152.

²² Выступление посла США в Израиле Д. Курцера, 20 декабря 2001 г., <http://www.whale.to/b/andromidas.html>.

²³ Full text of George Bush's speech on Israel and a Palestinian state, *The Guardian*, 25 June 2002, <http://www.theguardian.com/world/2002/jun/25/israel.usa>.

Растущее международное, внутripалестинское и внутripартийное давление вынудило Арафата отказаться от попыток косметических реформ, при которых его реальный статус оставался бы неизменным. Путем долгих согласований и консультаций с участием самого Арафата, а также американцев и израильтян, к началу 2000-х гг. была найдена компромиссная кандидатура на пост главы ПНА. Им стал известный деятель Организации освобождения Палестины, давний соратник Арафата Махмуд Аббас (Абу Мазен),²⁴ в свое время возглавлявший палестинскую делегацию на переговорах в Осло.²⁵

Уверенная победа Аббаса, набравшего 66% голосов на выборах президента в январе 2005 г. и выступавшего с умеренных позиций в вопросах мирного урегулирования с израильтянами, внушила международному сообществу и в первую очередь США оптимизм по поводу перспектив демократического государственного строительства в ПНА. В глазах администрации Буша, в Палестине имелись достаточные условия как для скорого создания независимого Палестинского государства, так и для строительства там либерально-демократической государственной модели. Об этом Дж. Буш-мл. ранее заявлял публично, говоря, что «независимое демократическое Палестинское государство будет создано не позднее 2009 года».²⁶

Следующим важным этапом в создании такого государства после выборов президента было выстраивание дееспособной законодательной власти и, соответственно, проведение парламентских выборов. Они были назначены на январь 2006 г. По замыслу американцев, в них должны были принять участие как можно более широкие слои населения и, следовательно, возможность баллотироваться необходимо было предоставить всему спектру политических партий и сил. В это число попали и исламисты.

Израиль категорически возражал против предоставления ХАМАСу и другим подобным организациям права на участие в парламентской кампании. Как неоднократно заявлял премьер-министр Израиля Ариэль Шарон, «наше правительство откажется от помощи палестинским властям в вопросах проведения выборов в ян-

²⁴ Внутри ФАТХа в это же время наметился серьезный раскол между старым и молодым поколениями партийных функционеров. Молодое поколение в лице сторонников М.Баргути настаивало на изменениях во внутренней структуре и порядке деятельности ФАТХ, в частности – демократизации процесса выборов партийных лидеров, возобновления работы партийных конгрессов, не собиравшихся ни разу с 1989 г.

«Старая гвардия» ФАТХ сопротивлялась этим процессам, демонстрируя в то же время большую лояльность по отношению к США и более гибкий подход к переговорам с Израилем. Эти нюансы особенно ярко проявились в 2007 году, когда сидевший в израильской тюрьме М.Баргути выступил с инициативой национального примирения и диалога с ХАМАС. С этим не были согласны сторонники М.Аббаса, за счет чего они и получили возможность пользоваться полноформатной американской поддержкой во внутripолитической и внутripартийной борьбе.

²⁵ Абу Мазен (Махмуд Аббас), *Путь в Осло* (М.: ИИИиБВ, 1996), 306 с.

²⁶ Mike Allen and Glenn Kessler, “Bush Goal: Palestinian State by 2009,” *Washington Post*, 13 November 2004, <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A46469-2004Nov12.html>.

варе 2006 г. в случае, если боевики ХАМАС будут допущены к участию в этих выборах. Мы никогда не согласимся с тем, чтобы данная вооруженная террористическая организация принимала участие в кампании».²⁷ А. Шарон заявил также о готовности Израиля пойти на создание условий, при которых проведение выборов становилось бы невозможным.

Однако в этом вопросе Вашингтон занял противоположную позицию, в конечном счете принудив израильтян смириться с участием в выборах исламистских сил. Официальные американские разъяснения по этому вопросу звучали следующим образом: «Решение по вопросу о том, кто будет принимать участие в выборах, относится к компетенции властей ПНА. Кроме того, мы не думаем, что демократическое государство может быть построено там, где партии или кандидаты ищут путь во власть не через избирательные процедуры, а через террористическую активность».²⁸ США исходили из того, что палестинским исламистам следует предоставить возможность полноправного участия в парламентских выборах в автономии с расчетом на то, что эти выборы они проиграют. Такой расчет основывался, видимо, на результатах президентской кампании.

Однако итоги парламентских выборов в январе 2006 г. стали для американцев неожиданными и неприятными. Популярность (к тому моменту уже спадавшая) М. Аббаса не помогла ФАТХ. Оказалось, что партия в сознании большинства палестинцев ассоциировалась с коррупцией, неэффективностью и неудачами предыдущих эпох, отсутствием прогресса в деле создания палестинского государства, решения вопросов израильских поселений, статуса Иерусалима и беженцев. Это разочарование способствовало победе оппозиции, которую в палестинских реалиях представляли исламисты из движения ХАМАС. Кандидаты, выдвинутые движением, получили 76 из 132 мест в парламенте. Как писал известный российский специалист по Ближнему Востоку М.А. Хрусталева, «симптоматично, что сами руководители [«ХАМАСа»] не рассчитывали на победу».²⁹

В результате, по словам одного из ведущих российских специалистов по палестино-израильским отношениям И.Д. Звягельской, «к власти в наиболее секулярном арабском обществе пришла организация, ставящая своей целью не только продолжение войны с Израилем до победного конца, но и исламизацию этого общества».³⁰ Дальнейшее развитие событий известно. Между ФАТХ и ХАМАС произошел раскол и гражданская война, сектор Газа и Западный берег р.Иордан стали

²⁷ Glenn Kessler, "If Hamas Participates, Sharon Says Israel Won't Aid Palestinian Elections," *Washington Post*, 17 September 2005, <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2005/09/16/AR2005091601768.html>.

²⁸ Там же, цитата из выступления официального представителя Совета национальной безопасности США Ф.Л. Джонса.

²⁹ Марк А. Хрусталева, «Международные аспекты социально-политической стабильности», *Международные процессы* 17 (май-август 2007), www.intertrends.ru/seventeenth/005.htm.

³⁰ И.Д. Звягельская, «ХАМАС: испытание ответственностью», *Политком.ру*, 23.06.2006, <http://politcom.ru/article.php?id=2951>.

развиваться по сути независимо, а Газа вновь превратилась в главную «болеую точку» в палестино-израильских отношениях.

Сценарии постреволюционного развития стран «арабской весны», где триумфаторами на выборах неизменно выступали исламисты, наводили российское внешнеполитическое сообщество на соответствующие аналогии.³¹ Гражданские войны по сути начались в Сирии, Ливии и Йемене, а крупнейшая и тоже традиционно довольно секулярная арабская страна – Египет – оказалась на волоске от такого сценария. Тревожные симптомы наблюдались в Ливане. Беспокойство вызывало даже будущее таких стабильных государств как Иордания и Тунис.³² Под вопросом была устойчивость египетско-израильского мирного договора.

Всё это в совокупности склоняло российский истеблишмент к убежденности во вредности и нецелесообразности поддерживаемых извне стремительных демократических преобразований в проблемных арабских странах, где подобные преобразования в лучшем случае приводили к власти исламистов, а в худшем – еще и провоцировали гражданскую войну. Таким образом, совокупный опыт американского вмешательства в ближневосточные дела в 2000-е гг., главными символами которого были «постхусейновский» Ирак и «постарафатская» Палестина, служил для России важным аргументом в пользу более осторожного подхода к региональным делам.

Фактор №4 – «Цветные революции»

Строго говоря, «арабская весна» не была первой революционной волной, «накрывшей» мир в XXI веке. Ей предшествовала несколько более растянутая по времени цепь событий – развернувшаяся, в основном, на постсоветском пространстве и получившая название «цветных революций».

Под данным термином понимают серию ненасильственных свержений власти в Грузии (2003), на Украине (2004), в Киргизии (2005), а также попытки такого рода действий в Узбекистане (2005), Белоруссии (2006) и Армении (2008). Некоторые комментаторы включают сюда волнения в Сербии (2000), приведшие к отставке С. Милошевича, кедровую революцию в Ливане (2005) и бунты в Молдавии (2009).

Любые аналогии между такими разными странами и регионами как Восточная Европа и Ближний Восток – обречены «хромать». Налицо различие исторического опыта, культур, вероисповеданий, политических предпочтений и ориентиров, социального состава участников. В рамках настоящей статьи нецелесообразно подробно останавливаться на каждой из «цветных революций» – скажем только, что их общей чертой стала неправовая, но легитимизированная при поддержке западных стран замена непопулярных властителей на режимы, провозглашавшие своей

³¹ Елена Супонина, «“Арабская весна”: сезон победы исламистов», *Forbes*, 25.12.2012, <http://m.forbes.ru/article.php?id=231831>.

³² Джозеф Е. Фэллон, «“Арабская весна”: ожидания и реальность» (Российский совет по международным делам, 04.10.2013), http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2443#top.

целью движение в сторону Евросоюза в качестве альтернативы сотрудничеству с Россией. При этом декларировалась приверженность строительству либеральных демократических государств по западному образцу.³³

Российское отношение к такого рода явлениям быстро трансформировалось от настороженного к негативному. Первоначальные надежды выстроить конструктивные отношения с новыми властями в странах-соседях не оправдались. Российско-украинские отношения при президенте В.Ющенко опустились до небывало низкого уровня, а российско-грузинские при М.Саакашвили дошли до войны 2008 г. и разрыва дипотношений.

Но еще до всего этого, уже в 2004 г. президент России В. Путин открыто говорил о своем негативном отношении к неправовым методам политической борьбы при поддержке из-за рубежа:

если говорить о постсоветском пространстве, то меня прежде всего беспокоят попытки решения политических вопросов неправовым способом. Вот это – самое опасное. Самое опасное – создание системы перманентных революций – то «розовых», то каких-то там «голубых» еще придумают. Жить нужно привыкнуть по закону, а не по политической целесообразности, которую определяют где-то в другом месте за тот или другой народ. Внутри общества должны созреть определенные правила, процедуры. Конечно, нужно обращать внимание, нужно поддерживать и помогать демократиям, но, если мы встанем на путь перманентных революций, ничего хорошего для этих стран, для этих народов не будет. Мы погрузим всё постсоветское пространство в череду нескончаемых конфликтов, которые будут приводить к достаточно тяжёлым последствиям.³⁴

Как видно, эта фраза практически слово в слово соответствует упоминавшимся выше словам министра иностранных дел России С. Лаврова, сказанным на 8 лет позднее по поводу «арабской весны».³⁵

Уже самая первая из «цветных революций» – грузинская – породила в российском руководстве недоверие к истинным мотивам в поведении США и Запада. Министр иностранных дел России И. Иванов, выступавший посредником между Э. Шеварднадзе и оппозицией, заявлял следующее:

Есть достаточно фактов, свидетельствующих, что все произошедшее в эти дни не было каким-то стихийным явлением, возникшим в одночасье. Шла подготовка, активное участие в ней, как признает сам Шеварднадзе, принимал посол США. Подготовка велась через Фонд Сороса. В последние месяцы в Тбилиси зачастили эмиссары, которые числились в списке хороших друзей Эдуарда Амвросиевича [Шеварднадзе], прежде всего бывший госсекретарь США Бейкер, бывший начальник объединенного командования штабов Шаликашвили и другие. Сегодня все более

³³ Под это определение вполне подходит и «евромайдан» на Украине в конце 2013 – начале 2014 гг., приведший к свержению президента В.Януковича.

³⁴ Пресс-конференция для российских и иностранных журналистов, 23.12.2004 г., http://archive.kremlin.ru/appears/2004/12/23/1414_type63380type82634_81691.shtml.

³⁵ Интервью С.В. Лаврова «Российской газете», 24.10.2012, <http://www.rg.ru/2012/10/23/lavrov-poln.html>.

очевидным становится, что одной из целей было убедить Шеварднадзе покинуть свое кресло.³⁶

Напомним, речь здесь идет о 2003 году – времени, когда российско-американские отношения, хоть и подпорченные иракской историей, всё ещё находились в «высокой фазе», испытывая на себе позитивный импульс первых лет сотрудничества В.В. Путина и Дж. Буша-мл., включая взаимодействие по антитеррористической повестке и активную поддержку операции США в Афганистане, в том числе – в вопросах развертывания американской военно-логистической инфраструктуры в Центральной Азии.

В конкретном плане подозрения России касались деятельности американских правительственных и неправительственных структур, включая Фонд Сороса, который сам Шеварднадзе обвинял в своем свержении. Были озвучены подозрения в адрес американского посольства и лично посла США Р. Майлза, который до Тбилиси работал в Белграде. Как писала тогда пресса,³⁷ в Москве много говорили об этих взаимосвязях, ведь похожи были не только телевизионные картинки, но и механизм. В частности, речь шла о поддержке извне процесса консолидации до того раздробленной, разношерстной и потому ослабленной оппозиции как в Сербии, так и в Грузии. И создание блока «Демократическая оппозиция Сербии», и выдвижение М. Саакашвили на первые роли в грузинской оппозиции состоялись в результате активного посредничества США. События в обеих странах стали развиваться по одному и тому же сценарию: от ожесточенных споров о результатах выборов – через протестные выступления недовольных и призывы к «сдержанности» в их отношении – к свержению главы государства.

Правда, в отличие от С. Милошевича, Э. Шеварднадзе в течение долгого времени пользовался поддержкой Вашингтона. Там были довольны тем, что грузинский президент отмежевался от Москвы, провозгласил курс на сближение с Западом и просил для Грузии членства в НАТО. Однако затем, по мере утраты доверия, симпатии США склонились в сторону молодых оппозиционеров.

Еще одним ударом по российским позициям стала «оранжевая революция» 2004 г. на Украине. В Москве опять увидели схожую картину: осуществленный при поддержке Запада неправовой приход к власти антироссийских сил. Учитывая роль и значение Украины не просто для российской внешней политики, а в целом – для истории и самоидентификации страны, эти события стали во многом поворотными для всего комплекса российско-западных отношений. Характерно, что еще через 10 лет – в 2014 г. – именно из-за Украины в этих отношениях вновь произошел острейший конфликт, чреватый фундаментальным расколом.

³⁶ «И. Иванов заявил, что смена власти в Грузии была подготовлена при поддержке США», *Newsru.com*, 08.12.2003, <http://www.newsru.com/russia/08dec2003/ivanov.html>.

³⁷ «Дипломат по имени Ричард Майлз» (Шеварднадзе обвинил Сороса в организации смены власти в Грузии) *Newsru.com*, 01.12.2003, www.newsru.com/world/01dec2003/soros.html#1.

Российское руководство недвусмысленно выражало обеспокоенность такими событиями. Как заявлял И.С. Иванов, распространение практики «цветных революций»

не в интересах ни стран СНГ, ни стабильности в регионе, ни международной стабильности. Надеюсь, что у ответственных политических сил не появится соблазна толкнуть какие-либо страны СНГ на тот путь, которым произошла смена руководства Грузии. И здесь очень велика ответственность западных стран. Они должны не приветствовать, как делают некоторые из них, то, что произошло в Грузии, а давать правильную оценку событиям. И второе – не выдавать кредиты тем политикам, которые пока еще не продемонстрировали, что являются сторонниками или приверженцами демократических принципов.³⁸

Лейтмотивом российских выступлений по данным вопросам стали обвинения Запада в двойных стандартах и нечестной игре. Приводя в пример сомнительные выборные процедуры в Косово, Ираке и Афганистане, российские официальные лица и сам президент Путин указывали на избирательность требований к соблюдению демократических стандартов. А также, что важно, стандартов в области соблюдения прав национальных меньшинств. Здесь имелось в виду, в первую очередь, нарушение прав русского населения, включая вошедшие в ЕС страны Балтии.

Наиболее пространно по этим вопросам В.В. Путин высказался в ходе большой пресс-конференции в декабре 2004 г. Уже тогда, задолго до знаменитой «Мюнхенской речи» 2007 г., им были даны эмоциональные и откровенные оценки происходящего в мире:

[Недавно] провели выборы в Афганистане. Мы знаем, это первые выборы в Афганистане, мы их поддержали, они были нужны. Но так ли там все было хорошо? Мешки с отпечатками пальцев голосующих свозили со всей страны, а по нашим данным, из Пакистана завозили в течение двух или трех недель. Кто считал, сличал эти отпечатки пальцев и проводил дактилоскопическую экспертизу? Сначала говорили, что там несмываемые чернила, потом оказалось, что смываемые.

В Косово провели выборы. Двести с лишним тысяч сербов вынуждены покинуть свои дома и не смогли принять участие в выборах – и все нормально. Сейчас в Ираке собираются проводить выборы. Может быть, до этого не дойдет, но одна из идей была такой. ОБСЕ будет контролировать эти выборы с территории Иордании. Это же просто фарс. А когда мы предложили проконтролировать выборы в Чеченской Республике – нет, нельзя, потому что условия не созданы, хотя там и боевых действий не было давно уже, и созданы органы власти и управления. А в условиях стопроцентной оккупации иракской территории можно проводить выборы. С июня по ноябрь только в одном Багдаде 3500 человек гражданского населения погибло, а в Эль-Фаллудже вообще никто не считал. По нашим данным, вчера только в девяти городах, крупных населенных пунктах шли боевые действия – и ничего, можно

³⁸ «И. Иванов заявил, что смена власти в Грузии была подготовлена при поддержке США».

проводить выборы. А в Чечне нельзя! Мы считаем, это недопустимо – так подходить к решению важных вопросов, которые интересуют всех.³⁹

В том же выступлении президент России коснулся и вопросов языковых и культурных прав:

мы много говорим о правах человека. Возьмем Македонию. Евросоюз предложил, чтобы на юге Македонии, где проживает 20 процентов албанского населения, чтобы они принимали участие в деятельности органов власти и управления вот в таком же соотношении, не менее чем 20 процентов, в том числе в правоохранительных органах. Сейчас Румыния готовится вступить в ЕС, и ей тоже выдвигают примерно такие же условия по национальным меньшинствам. Хорошо это или плохо? Я думаю, что правильно, хорошо. Но когда мы говорим: «Слушайте, а в Риге 60 процентов русских проживает, давайте там тоже введем такой же стандарт», нам отвечают: «нет, нельзя, там другая ситуация». Какая другая? Люди, что ли, второго сорта? Надо прекратить издеваться над здравым смыслом.⁴⁰

Возвращаясь к тематике «цветных революций», скажем, что после Ирака 2003 г. они стали второй миной, фундаментально подорвавшей российское доверие к США и Западу. А единообразная структура, алгоритм и последствия этих революций стали и косвенной причиной недоверия к «арабской весне» – уже даже просто потому, что Запад, стремясь оказаться «на правильной стороне истории», поспешил заявить о своей поддержке арабских революций.

В марте 2014 г. президент Путин в послании Федеральному собранию по случаю вхождения Крыма в состав России обрисовал прямую связь между событиями в Югославии, «цветными» и арабскими революциями. Он заявил, что западные партнеры вели себя грубо и непрофессионально, пытаясь загнать Россию в угол, и отметил, что та демократия, которую пытались ввести США, оказалась «вспышкой насилия»:

Нас постоянно пытаются загнать в угол за независимую позицию, за то, что отстаиваем интересы, не лицемерим ... США предпочитают в международной политике руководствоваться правом сильного. Они уверовали в свою исключительность, думают, что права могут быть всегда только они. Именно так было в Югославии ... Были и Афганистан, и Ирак, и откровенное нарушение резолюции Совета безопасности ООН по Ливии. Была и целая череда управляемых «цветных революций». Понятно, что люди в этих странах устали от тирании, нищеты, отсутствия перспектив. Но эти чувства цинично использовались. В результате вместо демократии и свободы наступила череда террора, вспышка насилия. «Арабская весна» сменилась «арабской зимой».⁴¹

Таким образом, болезненный опыт поддержанной Западом череды антиросийских революций у собственных границ частично экстраполировался и на от-

³⁹ Пресс-конференция для российских и иностранных журналистов, 23.12.2004.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ «Путин: “арабская весна” сменилась “арабской зимой”», *РБК Дэйли*, 18.03.2014 г., <http://rbcdaily.ru/politics/562949990878702> (in Russian).

ношение Москвы к «арабской весне». Спровоцированные «цветными революциями» нестабильность, хаос, а затем – и человеческие жертвы (в 2008 г. – среди контингента российских миротворцев в Южной Осетии, в 2014 г. – в виде массовых жертв на Украине, события в которой также вписывались в общую логику) – повторились, в еще более катастрофическом масштабе, на Ближнем Востоке. Это способствовало кристаллизации специфической российской консервативной позиции, о которой речь пойдет ниже.

Фактор №5 – Вопросы суверенитета и российский социально-политический консерватизм

Характеризуя логику восприятия Россией и ее руководством современной мировой ситуации, известный российский журналист-международник Ф. Лукьянов писал следующее:

Путин исходит из того, что с современным миром шутки плохи. Его стремлениестроиться в него на равноправных и выгодных для России условиях, которым было отмечено первое президентство и которое затухало во втором, к третьему сроку привело к выводу, что встраиваться бессмысленно. Сначала потому, что не хотят принимать, а потом всё больше потому, что и встраиваться-то некуда. Система разрушается, и Путин это очень чувствует, возможно, потому что у него, как и у других российских политиков его поколения, главным событием жизни является именно распад – крушение СССР. Владимир Путин гораздо глубже и острее большинства западных политиков понимает, насколько всё взаимосвязано и как опасно предпринимать решительные действия, не задумываясь всесторонне о последствиях. Отсюда его искренняя приверженность статус-кво. Это касается как внешней, так и внутренней политики: лучше вообще ничего не трогать, любое вмешательство с целью инноваций чревато коллапсом.⁴²

Это важное заключение проливает свет не только на отношение Москвы к «арабской весне», но и в целом на современное российское мировосприятие, логику выстраивания как внешней, так и внутренней политики. Здесь важно иметь в виду собственный российский исторический опыт. И власть, и подавляющее большинство граждан России продолжают рассматривать как внутренние, так и мировые, и в частности ближневосточные события сквозь призму конца 1980-х – 1990-х гг. Приведем еще одну цитату Ф. Лукьянова:

современное российское общество не верит в революции: слишком много было потрясений, надежд, которые оказывались иллюзиями, и разочарований. Ценность стабильности разделяют – пока – и верхи, и низы. На эйфорию восторженных толп рядовой российский наблюдатель смотрит крайне скептически, зная, чем всё это обычно кончается, а руководство – с явной неприязнью, вольно или невольно проецируя разрушительную стихию на собственную вотчину, поэтому всякие рассуж-

⁴² Федор Лукьянов, «Чего ждать от встречи президентов России и США в Северной Ирландии» (Российский совет по международным делам, 03.06.2013 г.), http://russiancouncil.ru/inner/index.php?id_4=1929#top.

дения о «сторонах истории» в России вызывают в лучшем случае иронию. Собственно говоря, результаты преобразований в странах «арабской весны» не дают оснований для оптимизма – ни в одной из них.⁴³

Такой взгляд на вещи стал продуктом целой серии событий в жизни России (распад СССР и начало ряда вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве) и мира в 1990-е – 2000-е гг. Разрушение биполярной системы международных отношений не привело, как казалось некоторым, к «концу истории» и торжеству универсальных либеральных порядков. Напротив, с каждым годом всё более экономически взаимосвязанный «глобальный» мир в политико-правовом отношении становился всё более хаотичным. Претендовавшие на глобальное лидерство Соединенные Штаты не только не смогли справиться с этой ролью, но и после неудач в Ираке и Афганистане (а также на фоне экономических трудностей) стали проявлять подспудное стремление к дистанцированию от решения международных проблем. Реальная политика во многом уступила место пустой политкорректности и имитации деятельности. Во всем мире люди разочаровывались в калибре политиков и их способности принимать, а затем реализовывать принятые решения. В отношении России это лучше всего проявилось в начавшейся на Западе демонизации президента Путина, стремлении описать российское поведение в терминах маниакальности и неадекватности – то есть во всем том, что бывший госсекретарь США Г. Киссинджер удачно назвал «попыткой оправдаться за отсутствие реальной политики».⁴⁴

Мир тем временем скатывался к состоянию хаоса. Нормы и правила, на которых он зиждился в XIX или XX веках, угасали, а новых не просматривалось. Особенно это касалось вопроса государственного суверенитета – базового понятия для международных отношений еще с Вестфальских времен. Размывание суверенитета, ярко проявившееся как в случаях Косово и Ирака, так и в пору «цветных революций», категорически не устраивало Москву. Смысл известных внутривнутриполитических шагов российских властей в 2000-е годы – от идеологических концепций наподобие «суверенной демократии» до ряда законодательных инициатив, включая контроль за иностранным финансированием неправительственных организаций и дополнительное регулирование в сфере СМИ – в последовательном стремлении оградить внутривнутриполитическое развитие от попыток вмешательства из-за рубежа.

Летопись «арабской весны» дает массу возможностей для анализа российского мировоззрения. Когда в 2011 г. в Египте рухнул 30-летний режим Х. Мубарака, российская реакция, как пишет Ф. Лукьянов, «удивляла мир своей медлительностью. Многолетний президент Египта никогда не был особым другом Москвы,

⁴³ Федор Лукьянов, «Будь что было», *Огонек*, 15.07.2013, <http://www.kommersant.ru/doc/2219495>.

⁴⁴ Henry A. Kissinger, “To Settle the Ukraine Crisis, Start at the End,” *Washington Post*, 5 March 2014, http://www.washingtonpost.com/opinions/henry-kissinger-to-settle-the-ukraine-crisis-start-at-the-end/2014/03/05/46dad868-a496-11e3-8466-d34c451760b9_story.html.

оставаясь стопроцентно лояльным Вашингтону. Так что причин лить по нему слезы у Кремля и Смоленской площади не было, но общая неприязнь к революциям, присущая современному российскому истеблишменту, не позволяла приветствовать триумф народной воли. И западные, и арабские коллеги тогдажимали плечами: нельзя же быть такими негибкими и не думать о будущем. В американской интерпретации это звучало, как всегда, более живописно: Россия оказывается на «неправильной стороне истории», настороженно относясь к демократическому прорыву на Ближнем Востоке». ⁴⁵

Дальнейшее развитие событий показало, как минимум, обоснованность российской «инертности». Избранный на всеобщих демократических выборах в июне 2012 г. новый президент Египта М. Мурси, представитель «Братьев-мусульман», усидел в кресле лишь год. За короткое время он настроил против себя широкие слои египетской общественности, включая либеральную молодежь, бывшую основным движителем анти-мубараковских волнений на Тахрире, коптов, а также умеренно религиозных египтян. Этим воспользовались египетские военные, которые вновь «прислушались к голосу народа», и вслед за Х. Мубараком отстранили от власти М. Мурси. Через некоторое время, в мае 2014 г., победу на новых президентских выборах одержал министр обороны Египта, генерал Абдель Фаттах ас-Сиси, набрав, по официальным данным, 97 % голосов. ⁴⁶

Таким образом, страна за два года проделала «полный круг» и вернулась к исходному положению – авторитарному военному режиму, жесткими методами противостоящему исламистам («Братья-мусульмане» вновь перешли на нелегальное положение) и нелюбимому немногочисленными либералами. Отметим, что за те же два года и без того слабая экономика Египта еще больше деградировала, нищета и безработица увеличились, градус насилия в обществе возрос, серьезно пострадала туристическая индустрия. ⁴⁷

Египетский военный переворот Запад, по сути, не осудил – все понимали его истинные причины, а стоять в одном ряду с бушевавшими по этому поводу катарскими экстремистами ⁴⁸ никто не хотел, – но и не поддержал, так как это бы с трудом вписывалось в тезис о «правильной стороне» истории.

У России цепочка революций и переворотов в Египте энтузиазма, как и следовало ожидать, не вызвала (президент Путин озвучил опасения относительно воз-

⁴⁵ Лукьянов, «Будь что было».

⁴⁶ «Экс-министр обороны Египта ас-Сиси по итогам президентских выборов набрал 96.91 % голосов», *ИТАР-ТАСС*, 03.06.2014, <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1236051>.

⁴⁷ “Arab spring economies. Unfinished business,” *The Economist*, 4 February 2012, <http://www.economist.com/node/21546018>.

⁴⁸ “Riyadh asks GCC states to condemn Qatar’s actions in Egypt and Yemen,” *Middle East Monitor*, 25 November 2013, <https://www.middleeastmonitor.com/news/middle-east/8496-riyadh-asks-gcc-states-to-condemn-qatars-actions-in-egypt-and-yemen>.

можного начала там гражданской войны⁴⁹), но контакты с новым египетским руководством, пришедшим к власти в результате общенациональных выборов, Москва наладила очень быстро. За короткое время пребывания М. Мурси у власти В. Путин успел дважды провести с ним переговоры (март и апрель 2013 г.).⁵⁰ А затем – продолжить диалог с кандидатом в президенты и позднее президентом ас-Сиси, который приезжал в Россию и сразу после переворота,⁵¹ и сразу после победы на выборах.⁵²

В египетском, также как и в тунисском случаях, на повестке дня не стоял центральный для России вопрос – вопрос суверенитета. О военном вторжении из-за рубежа и ином прямом вмешательстве в дела этих государств речь не шла. Иначе дело обстояло с Ливией и Сирией, суверенитет которых оказывался под вопросом: «Тот факт, что во время ливийской кампании Москва неожиданно для всех отступила от своей традиционной позиции невмешательства, стал не началом новой тенденции, а, напротив, катализатором предельно жесткой и неуступчивой позиции впоследствии. Чем бы ни руководствовался президент Дмитрий Медведев, принимая решение не блокировать силовое вмешательство, результат только убедил всех в ошибочности этого шага. Курс по сирийскому вопросу, ни на йоту не сдвинувшийся за два с лишним года, призван продемонстрировать раз и навсегда – модель, когда внешние силы решают, кто «прав» в гражданской войне, а потом помогают «правым» победить, больше не пройдет».⁵³

Из этого объяснения видно, что к «арабской весне» как таковой российский подход не сводится, и вообще не «весна» – главное. Речь идет о допустимых для Москвы форматах и механизмах урегулирования любого конфликта. И, как показал случай Сирии, Россия, часто упрекаемая в излишнем прагматизме и нежелании поступиться коммерческой выгодой, была готова, несмотря ни на какие издержки, стоять до конца ради утверждения этого принципиального подхода.

Фактор №6 – Гражданская война в Сирии и «кристаллизация» российской позиции

С момента начала гражданской войны в Сирии в прессе, в том числе в ведущих западных изданиях, было опубликовано немало материалов российских исследо-

⁴⁹ “Russia’s Putin says Egypt moving towards civil war,” *Reuters*, 7 July 2013, <http://www.reuters.com/article/2013/07/07/us-egypt-protests-russia-idUSBRE96607820130707>.

⁵⁰ «На полях саммита БРИКС Владимир Путин встретился с Мухаммедом Мурси», *Вести*, 29.03.2013, <http://www.vesti.ru/videos?vid=495347>; Кира Латухина, «Сочи, пальмы, пирамиды», *Российская газета*, 22.04.2013, <http://www.rg.ru/2013/04/22/putin.html>.

⁵¹ Джонатан Маркус, «Путин поддержал Сиси: египетский гамбит Кремля», *Би-Би-Си*, 14.02.2014, http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/02/140213_sisi_russia_egypt_gambit.shtml.

⁵² «Путин договорился в Сочи с президентом Египта об увеличении поставок сельхозпродукции в Россию на 30 %», *Newsru.com*, 12.08.2014 г., <http://www.newsru.com/russia/12aug2014/putinsisi.html>.

⁵³ Лукьянов, «Будь что было».

вателей, объяснявших логику действий Москвы в сирийском вопросе. Дабы не повторять уже озвученные тезисы, сошлемся в качестве примера на серию материалов российских авторов в «Нью-Йорк Таймс», включая статьи директора Московского Центра Карнеги Д. Тренина⁵⁴ и главы авторитетного в России Центра анализа стратегий и технологий Р. Пухова.⁵⁵

Представляется, что в Сирии, как в увеличительном стекле, сошлись все озвученные выше факторы, влиявшие на формирование российской политики по отношению к «арабской весне», а сам сирийский прецедент стал квинтэссенцией претворения этой политики в реальную жизнь.

Начало сирийского конфликта не внушало оптимизма по поводу перспектив президента Б. Асада остаться на своем посту. Основные дискуссии, в том числе и в России, сводились к тому, сколь долго ему удастся усидеть в кресле, и покинет ли он страну – ведь иначе его ждала бы судьба М. Каддафи. В 2012 г. российский МИД рассматривал падение режима Б. Асада как вполне вероятное,⁵⁶ а министр Лавров давал специальные пояснения о том, что у Москвы нет планов предоставлять убежище сирийскому президенту.⁵⁷

При всём этом с самого начала сирийского кризиса Россия заняла позицию, от которой впоследствии не отходила. Её суть: судьба Сирии – дело самих сирийцев, вмешательство извне недопустимо, единственный возможный путь к урегулированию – это общенациональный диалог и переговоры между властью и оппозицией, при этом речи об уходе Б. Асада в качестве предварительного условия для начала переговоров быть не может, так как он – законно избранный президент.

2012 и январь-сентябрь 2013 года выдались наиболее напряженными с точки зрения отстаивания данной позиции. Она не встречала понимания ни на Ближнем Востоке (среди арабских правителей Асад нажил себе немало врагов, и в основном ориентировался на Иран), ни на Западе. Россию критиковали за блокирование антисирийских резолюций в Совбезе ООН⁵⁸ и за равнодушие к страданиям сирийцев.⁵⁹ Аргументы Москвы о том, что основную роль в вооруженной борьбе с режимом в Сирии играют радикальные исламисты, использующие террористиче-

⁵⁴ Dmitri Trenin, “Why Russia Supports Assad,” *The New York Times*, 9 February 2012, http://www.nytimes.com/2012/02/10/opinion/why-russia-supports-assad.html?_r=2&partner=rss&emc=rss.

⁵⁵ Ruslan Pukhov, “Why Russia Is Backing Syria,” *The New York Times*, 6 July 2012, http://www.nytimes.com/2012/07/07/opinion/why-russia-supports-syria.html?_r=0.

⁵⁶ «МИД России не исключает победы повстанцев в Сирии», *RT.com*, 13.12.2012, <http://russian.rt.com/inotv/2012-12-13/MID-Rossii-ne-isklyuchaet-pobedi>.

⁵⁷ «Россия не собирается давать убежище Асаду, заявил Лавров – у него друзья в Европе», *Newsru.com*, 28.12.2012, <http://www.newsru.com/russia/28jul2012/noassad.html>.

⁵⁸ «На Россию обрушились за вето по сирийской резолюции. Лавров в ответ обвинил Запад в неприличной истерике», *Ньюсру.ком*, 06.02.2012, <http://www.newsru.com/arch/world/06feb2012/syria.html>.

⁵⁹ «Кэмерон обвинил Россию и Китай в страданиях детей Сирии», *Би-Би-Си*, 27.09.2012, http://www.bbc.co.uk/russian/international/2012/09/120926_cameron_un_blasts_russia.shtml.

ские методы и проводящие чистки по этно-конфессиональному признаку, за рубежом поначалу практически не слышали.

Самым серьезным испытанием стал инцидент с химическим оружием в августе 2013 г., в использовании которого Запад единогласно обвинил сирийские власти. Тот факт, что ранее Б. Обама назвал применение ОМУ в Сирии «красной чертой»,⁶⁰ за которой неизбежно последует военный ответ, практически не оставлял сомнений: удар по Сирии будет нанесен уже в сентябре-октябре 2013 года.⁶¹ При этом было ясно, что уничтожением арсеналов химоружия дело не ограничится, и дело пойдет по ливийскому сценарию – через военную поддержку повстанцев к свержению правительства. Абсурдность ситуации – как частной сирийской, так и общей, сложившейся с «арабской весной» – акцентировал С. Лавров, 26 августа 2013 г. (накануне предполагавшегося вторжения) созвавший экстренную пресс-конференцию по сирийскому вопросу:

Очень трудно понять истинные мотивы, которыми руководствуются наши западные коллеги, когда, проведя разрушительные интервенции в Ираке и Ливии, и не решив других проблем в ходе «арабской весны» в плане содействия соответствующим государствам обрести стабильность, межконфессиональный, межэтнический мир, они начинают на высшем уровне делать заявления, которые действительно поражают невнятиностью курса, которым предлагается идти...

Говоря о том, какова стратегия наших западных партнеров, обратите внимание: пару лет назад одним из самых популярных призывов, адресовавшихся нам и Китаю, был – встать «на правильную сторону истории». За последние полгода-год у меня лично в памяти не отложилось, чтобы тема «правильной стороны истории» вообще звучала... Многие ключевые игроки стали занимать одну сторону, действуя по принципу «победитель всегда прав». Забывая про старые альянсы, ставя на тех, кого они считали выигрывающей стороной. Потом выигрывающая сторона снова превращалась в проигравшую. Это политика, как говорят, ad-hoc. А нам нужна политика всеобъемлющая и логичная.⁶²

Тот факт, что интервенция в Сирию всё же не состоялась, продемонстрировал – на Западе, судя по всему, поняли: война в Сирии перестала быть конфликтом между властью и оппозицией, и превратилась в межконфессиональную резню. Власть противостояла оппозиции, в свою очередь светская оппозиция воевала с радикальной, а сама страна стала ареной противоборства внешних сил, главным образом Саудовской Аравии и Ирана. Вооруженное вмешательство Запада в такой

⁶⁰ Glenn Kessler, “President Obama and the ‘red line’ on Syria’s chemical weapons,” *The Washington Post*, 6 September 2013, <http://www.washingtonpost.com/blogs/fact-checker/wp/2013/09/06/president-obama-and-the-red-line-on-syrias-chemical-weapons/>.

⁶¹ «Политологи: удар по Сирии неизбежен», *Газета.ру*, 03.09.2013, http://www.gazeta.ru/politics/video/politologi_udar_po_sirii_neizbezhen.shtml; «Удар по Сирии будет нанесен», *Российский совет по международным делам*, 28.08.2013, http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2258#top.

⁶² Сергей Лавров: Пресс-конференция в Москве, 26.08.2013, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/366D32761BA7D4F244257BD300546B19.

конфликт способно было разве что дополнительно запутать и без того сложную ситуацию.

Дальнейший ход событий известен. Последовательная позиция Москвы в сирийском вопросе и предложенная ею изысканная комбинация по решению проблемы сирийского химоружия стали едва ли не первым примером настоящей «большой» многосторонней дипломатии за последние 20 лет. В итоге, этот успех позволил и собрать «Женеvu-2», и добиться прогресса на переговорах «шестерки» с Ираном. С отказом от вторжения в Сирию и достижением договоренностей по иранской ядерной программе наметилась некоторая нормализация американско-иранских отношений.⁶³

Российско-американская договоренность по сирийскому химоружию позволила избежать разрастания сирийского кризиса. Режим Б. Асада устоял, а воюющие против него джихадисты – выходцы из «Аль-Каиды» и «ИГИЛа» – развернулись в сторону Ирака, так и не оправившегося после американского вторжения и не сумевшего выстроить нормальных государственных институтов и боеспособной армии. Повышение эффективности международных усилий по содействию багдадским и эрбильским властям в борьбе с ИГИЛом – наиболее актуальный вопрос ближневосточной безопасности на момент написания данной статьи.

Абсурдность ситуации, при которой Запад в Мали и Ираке воюет буквально с теми же людьми, которых он поддерживал в Ливии и Сирии, а также всё возрастающий хаос на Ближнем Востоке – лишний раз убеждала Москву в правильности ее консервативной позиции:

В Мали французы помогали воевать против террористов, группировок, которых французы же в Ливии вооружали и поддерживали... Накачивание оружием незаконных вооруженных формирований создаёт колоссальные угрозы. А не действовать так, что «давайте сейчас обо всём забудем – в Сирии есть проблемы, давайте ею и заниматься». Мы совсем недавно примерно так же занимались Ливией, а до этого – Ираком, абсолютно не обращая внимания на последствия, которые все это вызывает в исламском мире ... мы уже видим тяжелые последствия предыдущих акций вмешательства в конфликт в этом регионе ... В Ливии центральные власти не контролируют огромные территории своей страны, а боевики, которые участвовали в свержении М. Каддафи, с оружием перебрались в Мали, их также весьма опасаются и в других странах, в частности, в Нигере, Чаде.

Посмотрите на Ирак, где ежедневно погибают десятки человек и сотни получают ранения в результате кровавых терактов. То, что сейчас происходит в Сирии, это настоящая гражданская война. Правительство воюет с т.н. «Свободной сирийской армией», а также со всё возрастающим количеством террористов из «Джабхат ан-Нусра», «Исламского государства Ирака и Леванта», других террористических групп. Периодически «Свободная сирийская армия» вступает в столкновения с террористическими формированиями. Если кто-то думает, что, разбомбив сирийскую военную инфраструктуру, оставив поле боя для того, чтобы противники режима

⁶³ Chelsea J. Carter, "It's a three-decade first: Presidents of U.S., Iran talk directly, if only by phone," *CNN*, 28 September 2013, <http://edition.cnn.com/2013/09/27/politics/us-iran>.

одержали победу, всё закончится – то это иллюзия. Даже если такая победа будет одержана, гражданская война продолжится.⁶⁴

Таким образом, как отмечал Ф. Лукьянов, «еще в 2012 году едва ли не общим местом было мнение, что Россия, безусловно, проиграла от «арабской весны». Уходят ее последние союзники, оставшиеся в наследство от СССР, их преемники относятся к Москве враждебно, а тем, кто настроен нейтрально, России нечего предложить. Сегодня все это выглядит иначе».⁶⁵ По прошествии года с момента планировавшегося, но так и не состоявшегося вторжения в Сирию, правоту российской позиции стали (вполголоса, так как ситуация в российско-западных отношениях к тому моменту деградировала донельзя) признавать и на Западе.⁶⁶

То же самое происходило и в отношении Москвы с арабскими столицами. Расхождения России и арабских государств в подходах к сирийскому кризису постепенно сменились более конструктивной повесткой, в рамках которой Россия и страны региона заметно увеличили интенсивность и расширили горизонты двустороннего диалога. Страны региона оценили последовательную и альтернативную западной российскую позицию, и оперативно развернули на 180 градусов свой публичный дискурс: из страны, поддерживающей «умирающий кровавый сирийский режим в силу имперских комплексов», Россия стала востребованным партнером, от которого многого ждут.

Беспрецедентная интенсивность контактов Москвы с Эр-Риядом, Тегераном, Тель-Авивом, Анкарой, Дамаском, Каиром и Рамаллой на фоне плотного взаимодействия с США по практическим аспектам региональной повестки даже в разгар украинского кризиса (межсирийские переговоры, палестино-израильское урегулирование, диалог с Ираном) стал заметным фактором в формировании нового облика Ближнего Востока.

При этом Москва продолжает придерживаться абсолютно консервативного подхода к ближневосточным делам, полагая, что в реалиях данного региона попытки резких изменений ведут лишь к углублению старых проблем и появлению новых. Как оказывается, в период явственного хаоса на международной арене такая позиция встречает если не одобрение, то растущее понимание.

Российско-американские отношения: антагонизм или «перезагрузка 2.0»

Нестабильность, охватившая Ближний Восток с началом «арабской весны», продолжала усугубляться и в 2014 г. Наряду с ней, в мире возник еще один очаг напряженности – кризис вокруг Украины. Изначально являвший собой частный случай «failed state» – коллапса хрупкого государственного организма, характеризующегося до поры скрытыми межрегиональными разногласиями, которые вы-

⁶⁴ Лавров: Пресс-конференция в Москве, 26.08.2013.

⁶⁵ Лукьянов, «Будь что было».

⁶⁶ Ishaan Tharoor, “Was Putin right about Syria?” *The Washington Post*, 22 August 2014, www.washingtonpost.com/blogs/worldviews/wp/2014/08/22/was-putin-right-about-syria.

шли наружу в условиях системного обвала экономики – украинский казус впоследствии затмил даже бесчинства ИГИЛа в Ираке, израильскую операцию в Газе и очередной виток напряженности в Южно-Китайском море. Беспрецедентное ухудшение российско-западных отношений и последовавший взаимный запуск санкционных механизмов заставили весь мир говорить о возврате к временам «холодной войны».

Показательно, что на российско-американском взаимодействии по практическим ближневосточным вопросам эта новая ситуация до поры до времени не сказывалась. При коспонсорстве Москвы и Вашингтона продолжались вялотекущие межсирийские переговоры и куда более продуктивные контакты «шестерки» с Ираном, работал ближневосточный «квартет». Однако по мере того, как две страны входили в состояние перманентного взаимного отторжения, о новых знаковых совместных инициативах наподобие сделки по сирийскому химоружию приходилось забыть. Хорошо знакомая логика «игры с нулевой суммой» предполагала совсем иной алгоритм действий в любой произвольной международной ситуации.

Ощущение, что именно так – по-старому – и будет, в настоящий момент преобладает как в России, так и в США. В российском обществе ширится понимание, что введенные в 2014 г. санкции Запада нацелены не только на подрыв национальной экономики и «наказание» за Крым, но имеют конечной целью смену российского правящего режима.⁶⁷ В таких условиях говорить о выстраивании конструктивного взаимодействия не приходится.

В 2007 г. министр иностранных дел России С. Лавров, совсем по другому поводу, писал:

Если проанализировать идеологическую инерцию, которая привела США к «преобразовательной дипломатии», очевидно, что между внешнеполитическими устремлениями Вашингтона и Москвы существует внушительный зазор. Надо полагать, что в этом и кроется проблема [российско-американских отношений], по крайней мере, ее значительная часть. У России более чем достаточный опыт революций: на них ушел весь наш XX век. Минувшее столетие явилось своего рода чистилищем для европейской цивилизации, преодолевавшей зло через изгнание своих идеологических «бесов» – разного толка экстремистских продуктов европейской либеральной мысли. Поэтому Россия не подпишет ни под каким идеологизированным проектом, тем более не заимствует его извне.

Вестфальская система, которую в определенных кругах стало модным критиковать, вывела ценностные различия за рамки межгосударственных отношений. С данной точки зрения холодная война означала движение вспять. Надо ли продолжать идти назад по этому пути, который может вести только к конфронтации?⁶⁸

Для Ближнего Востока, где конфликтность и во времена «настоящей» холодной войны имела собственную динамику и никуда не исчезала ни в 1990-е, ни в

⁶⁷ См. например, интервью С. Караганова «Российской газете», 24.04.2014, www.rg.ru/2014/04/23/karaganov-site.html.

⁶⁸ Сергей Лавров, «Сдерживание России: назад в будущее?», *Россия в глобальной политике*, 22.08.2007, http://www.globalaffairs.ru/number/n_9236.

2000-е гг., климат в российско-американских отношениях играет второстепенную роль. Местные правители давно набили руку в том, что касается умения обеспечивать выгоды для себя, играя на противоречиях великих держав. Здесь у всех свои интересы, баланс которых только еще предстоит найти, причем сделать это придется самим странам региона. Внешние участники помочь не смогут даже при желании – степень их влияния на реальную расстановку сил необратимо снижается, даже если кажется, что можно что-то сделать «кавалерийским наскоком».

Вместе с тем, российско-американский антагонизм – если таковой возобладает – закроет двери для нетривиальных дипломатических решений вроде сирийского. Выработка таких решений, как и претворение их в жизнь, возможны лишь при условии достижения российско-американского согласия. В нынешней же ситуации элиты в обеих странах будут настроены против компромиссов с противником, если даже аргументы последнего будут обоснованы. Готовность прислушиваться к мнению противоположной стороны будет снижаться.

В июне 2014 г., выступая перед членами Российского совета по международным делам, С. Лавров попытался дать общую оценку истории развития российско-западных отношений за два минувших десятилетия и выразил надежду на то, что украинский кризис мог бы стать для этих отношений своего рода «освежающей грозой».⁶⁹ Как представляется, шансов на это немного. Однако при наличии достаточной политической воли, а также с учетом непредсказуемой динамики мировой ситуации, исключать некую повторную и более глубокую «перезагрузку» нельзя.

В рамках данной статьи мы попытались охарактеризовать не только отношение России к феномену «арабской весны», но и в целом – обрисовать те события, явления и процессы, на базе которых два с половиной десятилетия формировалось современное российское мировосприятие, и без которых понимание позиции Москвы по той же «арабской весне» обречено на неполноту и зауженность.

Если во времена биполярной системы международных отношений советско-американский антагонизм служил той устойчивой осью, вокруг которой строилась и предсказуемо развивалась международная жизнь, то современному, существенно изменившемуся за последние десятилетия миру – в котором Европа не играет былой роли, экономический центр тяжести и конфликтный потенциал сместился на Восток, а международная система более не имеет надежной точки опоры – такому миру российско-американская конфронтация стабильности и предсказуемости не добавит. Скорее, он просто станет еще одним штрихом к и без того хаотично-нечёткому портрету современной международной среды.

⁶⁹ Выступление Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на встрече с членами Российского совета по международным делам, Москва, 4 июня 2014 года, www.mid.ru/bpr_4.nsf/0/412C7BA2A5A1E66544257CED0059D4DF.

Литература

Arab spring economies. Unfinished business. Vol. 4 February 2012. The Economist, 2012.

Bush Goal: Palestinian State by 2009. *Washington Post* (2004).

Chechens Among Jihadists in Syria. Vol. 26 April 2014. Al-Monitor, 2014.

George Bush's speech on Israel and a Palestinian state. The Guardian, 2002.

How Chechnya Became a Breeding Ground for Terror. *The Middle East Quarterly* 12, no. 3 (2005): 57-66.

If Hamas Participates, Sharon Says Israel Won't Aid Palestinian Elections. *Washington Post* (2005).

It's a three-decade first: Presidents of U.S., Iran talk directly, if only by phone. Vol. 28 September 2013. CNN, 2013.

President Obama and the 'red line' on Syria's chemical weapons. *The Washington Post* (2013).

Remarks by the President at the 20th Anniversary of the National Endowment for Democracy. U.S. Chamber of Commerce, 2003.

RF foreign policy concept 2000. Foreign policy and the security of contemporary Russia. 1991-2002. Vol. 4. Moscow, 2002.

Riyadh asks GCC states to condemn Qatar's actions in Egypt and Yemen. Vol. 25 November 2013. Middle East Monitor, 2013.

Russia's Putin says Egypt moving towards civil war. Vol. 7 July 2013. Reuters, 2013.

Security Council Approves "No-Fly Zone" over Libya, Authorizing "All Necessary Measures" to Protect Civilians, by Vote of 10 in Favor with 5 Abstentions., 2011.

The four reasons Russia won't give up Syria, no matter what Obama does. *Washington Post*(2013).

The Soviet Collapse. Vol. 19 April 2007., 2007.

To Settle the Ukraine Crisis, Start at the End. *Washington Post* (2014).

Was Putin right about Syria? *The Washington Post* (2014).

Why China, Russia won't condemn Syrian regime. Vol. 5 February 2012. CNN, 2012.

Why Russia Is Backing Syria. *The New York Times* (2012).

Why Russia Supports Assad. *The New York Times* (2012).

Yan, Holly. *Syria Allies: Why Russia, Iran and China are Standing by the Regime*. CNN.com, 2013.

Yandarbiyev Killed by Car Bomb in Qatar. *The Moscow Times* (2004).

Бовин, Александр Е.. *5 лет среди евреев и мидовцев*. Москва: Захаров, 2002.

В Сирии воюют до тысячи чеченских боевиков, собранных в один отряд, "Аль-Мухаджирин". Newsru.com, 2013.

Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на встрече с членами Российского совета по международным делам. Москва, 2014.

Выступление посла США в Израиле Д. Курцера., 2001.

Дипломат по имени Ричард Майлз (Шеварднадзе обвинил Сороса в организации смены власти в Грузии). Newsru.com, 2003.

И. Иванов заявил, что смена власти в Грузии была подготовлена при поддержке США. Newsru.com, 2003.

Интервью С. Караганова «Российской газете». *Российская газета* (2014).

Интервью С.В. Лаврова. (2012).

Как грузинский сержант стал лидером джихада в Ираке. Би-Би-Си, 2014.

Кистинцы против Башара Асада. Georgia Times, 2013.

Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.). официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2013.

Косач, Г.. *Арабские страны и независимость Косова*. Институт Ближнего Востока, 2008.

Кэмерон обвинил Россию и Китай в страданиях детей Сирии. Би-Би-Си, 2012.

Лавров, Сергей. *Сдерживание России: назад в будущее?*. Россия в глобальной политике, 2007.

Латухина, Кира. "Сочи, пальмы, пирамиды." *Российская газета* (2013).

Лукьянов, Федор. "Будь что было." *Огонек* (2013).

Лукьянов, Федор. *Чего ждать от встречи президентов России и США в Северной Ирландии*. Российский совет по международным делам.

Мазен, Абу. *Путь в Осло*. Москва: ИИИиБВ, 1996.

Маркус, Джонатан. *Путин поддержал Сиси: египетский гамбит Кремля*. Би-Би-Си, 2014.

МИД России не исключает победы повстанцев в Сирии. RT.com, 2012.

Мирский, Георгий. *“Арабская весна” – туман и тревога. Россия в глобальной политике*, 2013.

На полях саммита БРИКС Владимир Путин встретился с Мухаммедом Мурси. Вести, 2013.

Подцероб, А.Б.. *“Арабская весна” или “исламистская осень”?*. Институт Ближнего Востока, 2012.

Политологи: удар по Сирии неизбежен. Газета.ру, 2013.

Пресс-конференция для российских и иностранных журналистов.

Путин договорился в Сочи с президентом Египта об увеличении поставок сельхозпродукции в Россию на 30 %. Newsru.com, 2014.

Путин: “арабская весна” сменилась “арабской зимой”. РБК Дэйл, 2014.

Россия не признает ХАМАС и “Хизбаллу” террористическими организациями. Lenta.ru, 2006.

Россия не собирается давать убежище Асаду, заявил Лавров – у него друзья в Европе. Newsru.com, 2012.

Сатановский, Евгений Я.. *“Пять лет войны за нефть и демократию.” Международная жизнь* 5 (2008): 3-10.

Сергей Лавров: Пресс-конференция в Москве., 2013.

Супонина, Елена. *“Арабская весна”: сезон победы исламистов*. Forbes, 2012.

Тепленин, Тимур. *Абу Хавс – третий и явно лишний. Мухаммад Атеф – последний из троицы “наместников Бен Ладена”*. Uro.ru, 2004.

Федорченко, Андрей. *Родина “арабской весны” и процесс исламизации*. МГИМО Университет, 2013.

ФСБ обнародовало российский список террористических организаций. Newsru.com, 2006.

Фэллон, Джозеф Е.. *“Арабская весна”: ожидания и реальность*. Российский совет по международным делам, 2013.

Хрусталеv, Марк А.. *“Международные аспекты социально-политической стабильности.” Международные процессы* 17 (2007).

Экс-министр обороны Египта ас-Сиси по итогам президентских выборов набрал 96.91 % голосов. ИТАР-ТАСС, 2014.